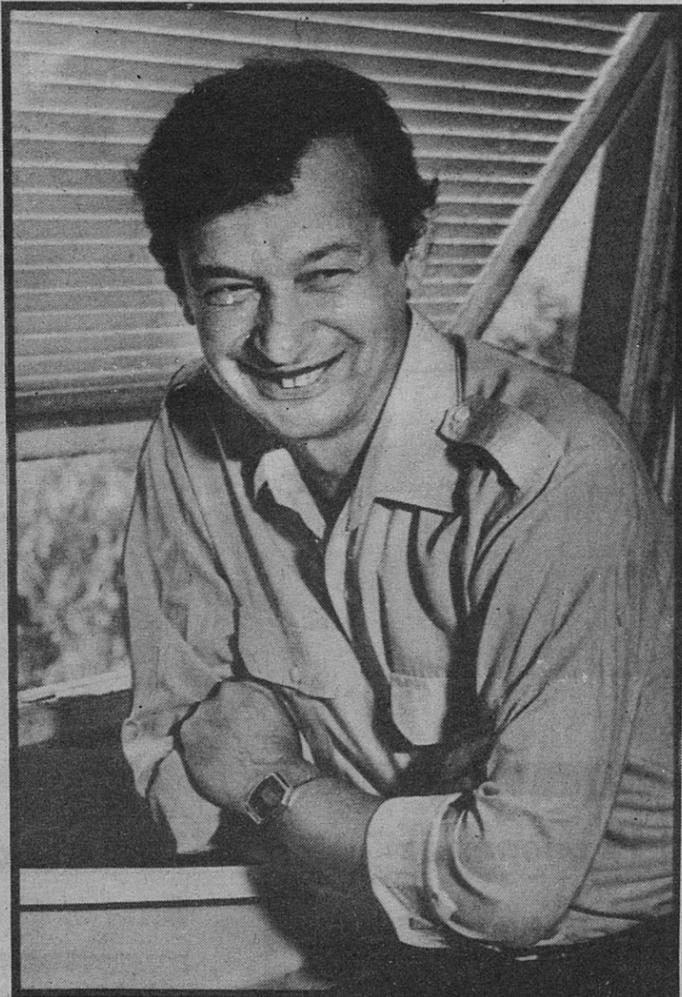

Счастливым человеком

Если играть хорошую музыку на хорошем рояле - ничего другого не надо

Предлагая вашему вниманию встречу с таллиннским пианистом, композитором и аранжировщиком **Владимиром ИГНАТОВЫМ**, предвижу неоднозначность ее восприятия нашей читательской аудиторией. Но Владимир Игнатов таков, каков есть. И, соглашаясь с ним или не соглашаясь, - верьте, он не лукавит.

- Володя, в давнем и бесплодном споре о том, что лучше - классика или легкая музыка, вы не из тех, кто следует формуле: пусть будет любая, лишь бы хорошая. Вы - за классику!

- Вообще-то термин "классическая музыка", по моему, не очень точен. К классике относится период классический. А дальше идут - романтический, неоклассический, был еще импрессионизм, много чего было и много еще чего есть сегодня. А вот говорить о том, что есть серьезная музыка, - это можно. И есть легкая. Ее в отличие от серьезной можно сочинять, не имея никакого образования. Порой талантливые, одаренные слухом и воображением ребята слышат у себя внутри какую-то замечательную мелодию...

- Кстати, не звали ли когда-то одного из этих ребят Моцартом?..

- Ой, нет. Тут все иначе. Моцарт учился, и еще как учился. Прекрасным педагогом был его отец, судя по тому хотя бы, что сестра Моцарта тоже великолепно играла с малых лет...

Когда разговор о серьезной музыке, то тут тоже присутствует мелодия, но преобразованная, скажем, в симфонию, словом, принявшая какую-то стройную форму. А это требует серьезного систематического образования. И тогда она, эта мелодия, уже на века, если это Бах или Гайдн, или Гендель. Они сочиняли двести лет назад, а музыка их нисколько не постарела. В легком же жанре, как правило, старение приходит быстро, и не только мелодии, поскольку она все-таки шаблонна, но самой гармонии, инструментария даже. Люди, играющие в ансамблях, знают: два-три года, и инструменты уже надо менять полностью. Как невозможно слушать всерьез и то, что записывалось несколько лет назад. Так что хорошая легкая музыка живет недолго, хорошая серьезная - вечно.

- Вы играете старых мастеров, и кругу вашего общения можно лишь позавидовать, но, судя по количеству слушателей на концертах серьезной му-

зыки, истинных ее любителей не слишком много. А на своих тусовках молодежь сходит с ума от ритмов совсем иного рода.

- Мне кажется, ребята просто пока еще не встречались с хорошей музыкой, не знают ее. Я как-то разговаривал с одним высоким руководителем и поинтересовался, как, на его взгляд, должны сочетаться в эфире серьезная и легкая музыка. Он подумал, подумал и сказал: один к четырем, одна часть, значит, серьезная, четыре - легкая. По причине максимализма я думаю, должно бы быть наоборот. Поскольку это, естественно, нереально, то хоть бы одна пятая получалась...

Кто-то может сказать: к восприятию серьезной музыки надо-де готовиться, от всего отключаться, настраиваться. Совершенно с этим не согласен. Есть масса прекрасной музыки, написанной Корелли, Вивальди, Перселлом. Она проста и очаровательна, замечательно играется, потому что исполняется, как правило, людьми, понимающими в этом толк. Так что звучать такая музыка может гораздо чаще, и молодежь с тусовок, слушай она ее почаще, полюбила бы непременно.

У нас же почти отсутствует аура духовности. И вина общая: моя, ваша. А вот молодежь как раз не виновата, пользуется тем, что имеет.

- Вы же не один год положили на пропаганду, как было принято говорить недавно, действительно хорошей музыки. Как вам живется при этом?

- Прекрасно. Но ваш вопрос, наверное, и о другом: на что я существую? Действительно, тут есть проблема. Но, во-первых, мне много не нужно. Вполне достаточно, чтобы можно было как-то просуществовать. И потом, знаете, для того, чтобы играть на рояле, иногда не нужно и рояля. Важно, чтобы он был там, где предстоит выступить - я прихожу и играю.

- Конечно, это красиво, но вы же сейчас практически безработный, что еще раз подтверждает факт отношения общества к

предмету нашего разговора.

- Да, общество пока не очень расположено слушать хорошую музыку, ибо она, эта музыка, не приносит ему ощутимых доходов. А само оно не в том состоянии, чтобы осыпать талантливых людей - говорю сейчас, естественно, не о себе - какими-то благами за так. Наше общество к этому не готово, а раз оно такое, таким и следует его принимать, другого у нас сейчас не имеется.

- Как бы там ни было, время от времени вы собираетесь вместе с такими же не имеющими официального пристанища профессиональными музыкантами и играете Баха, Рахманинова, собираетесь, не рассчитывая на огромное число слушателей, и все-таки играете. Что в этом только надежда, что кому-то это требуется?

- Не только надежда. На наших регулярных бесплатных концертах в Клубе строителей по четвергам я постоянно встречаю одних и тех же людей. Они ничего не могут дать нам взамен, кроме любви и аплодисментов, ибо бедны, как и мы. Но они тратят на нас свое время, им это нужно. Среди слушателей немало детей, и надо сказать, они очень хорошо себя ведут, если учесть, что наше музицирование занимает немало времени - два, два с половиной часа.

- Ваши партнерши - две очаровательные молодые женщины.

- Согласен.

- На виолончели играет Маргарита Ристаль, на скрипке - Светлана Мишури. Это ваш постоянный состав?

- Иногда мы играем вчетвером, когда к нам присоединяется еще Лиля Ааре. И тогда получают две скрипки, виолончель и фортепиано. Все музыканты где-то работают, кто в школе, кто аккомпанирует, но для концертных выступлений возможность только такая.

- А у вас нет ощущения, что в этих ваших музицированиях по четвергам в небольшом зале

присутствует, извините, альтруизм и чудачество какое-то?

- Альтруизм? Чудачество? Вот уж совершенно нет. Музыка-то прекрасная, всерьез. Если человечество и создало однажды что-то стоящее, так это только высокое искусство. Ведь в любом случае ни поэзия, ни театр, ни музыка, если они настоящие, не зовут к агрессии, к катаклизмам. Они исповедуют добро. Интересно, а почему вам наши концерты кажутся странными?

- Потому что вы живете против течения. Все смотрят в одну сторону, а вы в другую.

- Однажды кто-то сказал: "Для вас века - для нас единый миг". Сегодня есть очень много людей, обманутых нынешним положением вещей. А что есть СЕГОДНЯ? Только краткий отрезок времени. Завтра все будет по-другому. И вчера все было по-другому. А есть вещи неизменные и величины постоянные.

- И у вас, Володя, нет тоски по фраку с манишкой, по сияющему множеству огня залу, по атмосфере концерта и связанному с этим чувству праздника, приподнятости? Уверены, что небольшая клубная сцена может все это заменить?

- Тоски-то нет, но когда я слушаю, как вы это описываете, мне кажется, это было бы замечательно - сыграть в таком зале.

Но я понимаю, что вы имеете в виду, и, кстати говоря, у нынешнего моего положения есть одна особенность, которая важна и стоит упоминания. Спроси меня кто угодно, счастлив ли я, и я ответил бы утвердительно. Нет, нет, погодите, именно счастлив, в том-то и дело. Ибо все, что я понимаю под счастьем, завязано для меня на рояле, игре на нем. Убежден, если играть хорошую музыку на хорошем рояле - ничего другого не надо.

- Не опасаетесь, что кто-то хмыкнет скептически?

- Всяк волен думать так, как ему думается. Но я чувствую себя совершенно счастливым оттого, что стал именно музыкантом, именно пианистом, что фортепианная литература

огромна, что там масса шедевров и есть что играть. Я же, между прочим, общался с величайшими умами и потому убежден: лучшее, что создано людьми, это музыка, значит, и общался с лучшими людьми, каких знала земля. Когда-то очень давно я почувствовал, что либо стану пианистом, либо не стану никем. Я понял это, еще даже не начав играть на рояле, и почему так произошло - не знаю, не анализировал. Но случилось именно так, и был такой путь с музучилищем, консерваторией, с удачами и надеждами, неизбежными проколами.

- И вас не интересуют все нынешние проблемы, политические страсти?

- Вот это уж абсолютно точно не интересует. Потому что любые намерения - партийные, личные, групповые - не имеют никакого отношения к интересам человеческого, человеческого. А вот Бетховен сочинял для человечества.

- А как складывается ваша жизнь помимо музыки?

- Весьма сумбурно. Может, потому меня и не интересует все остальное.

- Но ведь вы в этой жизни не один: семья, две дочки. А счастливая жизнь человека за инструментом особого достатка не предполагает.

- Это точно. Но если мои Даша и Полина будут мыслить так же, как и я, они обязательно станут счастливы.

- Вы предполагаете для них такое счастье?

- Да. Потому что оно истинное.

- Будут ли они в конечном счете благодарны вам?

- А вот этого не знаю... Главное, что считать достоинствами жизни, а что - ее недостатками. В этом все дело. А когда бывает нелегко, мне есть у кого спросить совета, у Баха, у Гайдна, они прекрасные советчики, у них тоже имелись свои проблемы, но они были счастливы. Так что свою жизнь я считаю естественной. Иначе непременно бы ее поменял...

В. АНДРЕЕВ.
Фото Д. ПРАНЦА.

5.09.92

Игнатов 13

325